

Корнеева Наташа

*Рио
де
Жанейро*

Наташа Корнеева Рио-де-Жанейро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988740

ISBN 9785005324818

Аннотация

О чём ты пишешь? Обо всём, о дураках и о дорогах. Любовь присела у порога, но не заходит больше в дом. И трётся, будто пёс, у ноги головой своей лобастой мне произносит – хватит, баста, давай скорее эпилог. Я говорю собаке – фас. Она заходится от лая. Я потому ещё живая, что не дописан мой рассказ. Дмитрий Мурашов Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо аннотации. Дмитрий Мурашов	5
– 1-	7
– 2-	10
– 3-	13
– 4-	15
– 5-	21
– 6-	25
– 7-	30
– 8-	35
– 11-	39
– 9-	46
– 10-	49
– 12-	54
– 13-	60
– 14-	65
– 15-	70
– 16-	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Рио-де-Жанейро

Наташа Корнеева

© Наташа Корнеева, 2021

ISBN 978-5-0053-2481-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо аннотации.

Дмитрий Мурашов

«Читал Вас сегодня ночью и это впечатление от Ваших строк...

О чём ты пишешь? О любви.
Такой на свете не бывает.
Я потому ещё живая,
что говорит она- живи.
Ещё пишу о городах,
в которых мы с тобою жили.
И в каждом находилась жила,
любовь несущая руда.
Ещё и о морях чуть-чуть.
о Черноморском побережье,
и о Японском. Где-то между
морей- страна из наших чувств.
И в этой маленькой стране
бывает больно и тоскливо.
Любовь не сделает счастливой,
но без любви и счастья нет.
О чём ты пишешь? Обо всём,
о дураках и о дорогах.
любовь присела у порога
но не заходит больше в дом.

И трётся, будто пёс, у ног
и головой своей лобастой
мне произносит —хватит, баста,
давай скорее эпилог.
Я говорю собаке – фас.
Она заходится от лая.
Я потому ещё живая,
что не дописан мой рассказ».

Р. S: Спасибо, Дмитрий. Эти слова «Читал Вас сегодня ночью...» – ... нет у меня слов, чтобы передать свое состояние.

- 1 -

Пахло горелыми беляшами, грязной тряпкой, солью дорожной.

По пиздисюнчику из мутных рюмок. Застывший бараний жир на кусках жил усилил желание блевануть прямо под стол. Стол – поц, на длинной ножке с крючками для сумок. Ни тебе стульев, ни гарсонов...

Чернота пожирала снег. Город, мой родной город, выплюнул меня, как надоевшую жвачку. Форд-Транзит, приобретенный накануне, послушно тащил свою новую хозяйку черт знает куда. Между рулем и сидением черт знает кто.

В салоне холодно. За бортом минус тридцать. Метель. Темнота. Я тупо пялилась на снежную стену и была далеко-далеко отсюда ...

– Ну, и где ты, тварь?

-Да пошел ты ...

У кого как, а у меня одиннадцать лет "счастливой" семейной жизни закончились вот такими "нежными" словами.

Гришка, последний из моих бывших мужей, человек без родины, так как родился в семье вояки. Кочевал, кочевал по воинским частям да и вырос. Окончил Серпуховское высшее военное училище, попал в 12-е ГУМО, исправно крутил гайки по инструкции, потом черт дернул его жениться на мне, бросил нафиг армию, подался в коммерсанты, отучился на юр. факе в Томском университете. Открыли мы с ним в равных долях агентство недвижимости. Дела шли вполне ... Но ... Человек – сволочь ненасытная. Сколько ни дай – ему все мало. И врюхался Гришаня в такие долги, что мама не горюй. Да. И планировал рассчитаться с долгами моей квартирой. Чуйка у меня работает дай бог каждому. И планы мужнины меня совсем не радовали. Но говорить об этом я не собиралась. Опять же – чуйка. А иначе жить мне на девяти квадратах в бомжатнике и радоваться.

Меня подобные перспективы не устраивали. И вот тут важно не проебать вспышку. И я ее не проебала. Квартиру продала и по тихой грусти свалила.

Димка ... Димка моложе меня на шесть лет. У него есть жена, маленькая дочь, приемный сын-подросток.

Почему он, Димка, решил свалить? Мне глубоко фиолетово. Нужен был помощник и я его получила. И что с ним

делать дальше понятия не имела ... На Димке спортивный костюм, кроссовки на босу ногу. Вещей нет. Придется одевать его. А что делать?

У меня – полный сумбур в голове, вполне сносный Форд – Транзит, мешочек рубликов, девятнадцатилетняя дочь в съемной квартире с денежкой и лабрадором, больные родители ни сном ни духом про мои выкрутасы.

Форд продирался по Чуйскому тракту. Куда? Сложный вопрос. На данном этапе больше интересовало откуда и быстрее. К утру должны быть в Омске. Мы ехали на юг. Но слово юг – это направление, не более ...

И как выяснилось позже, я сделала все максимально верно.

Пурга надоела. Димка каким-то шестым чувством ориентировался на трассе. А я грелась водкой. Ага. Такая мерзкая водка из ларька. Наливала в пластиковый стаканчик и лакала в два приема. Не запивала и не закусывала. А нечем было. Из закуски только сигареты. Вот и дымила. Короче, гадость сплошная. И за окном, и в салоне, и на душе. Если осталась она, душа эта, будь она неладна И в миллионный раз прокручивала последние события. Все искала, где и что сделала не так. Почему имею то, что имею ...

* * *

– Здорово, Натали! А вот и мы. Ну, я гляжу, вы тут устроились основательно. А это что за зверь. Бля!!! Сейф??? Несгораемый? Вот это динозавр! Слушай, время торопит. Работа без меня стоит. Давай, давай, собирайся. Поехали. Новостройки Гриня обещал подсуетить.

Муж моей двоюродной сестры мерзкий и жадный типчик. Как она с ним спит, я не представляю. Тошнит от одного звука голоса. А уж внешность ... бррр. Не, он не страшный, даже импозантный такой мужчинка. Но мужчинка ... Как только разговор заходил о деньгах, начиналась тряска мел-

кая губешек жирных, пальчиков толстенных, и даже глазенки потряхивало. Назовем его Стасик. Да. Стасик подойдет, пожалуй. Так вот. Стасик лет на двадцать с гаком старше сеструхи моей. Но это фигня как по мне. Но он родился стариком. Есть такие особи и женского, и мужского пола. Для меня они бесполое. Стасик – крупный бизнесмен. Но вот живет в мухосранске. Новосибирск тоже не Рио-де-Жанейро, но все-таки. Да и родня жены вся туточки. И попросил мой дальний родственник подобрать ему квартиру, новую. Вторжилье его не интересовало. Но так как жадненький, решил приобрести новострой, и чем дешевле, тем лучше. Ну а какой новострой самый дешевый? Правильно, у которого либо есть только котлован, либо вообще только рисунок. Поэтому смотреть там нечего..

-Стасик, а что ты хочешь увидеть, – задала я резонный вопрос.

– Ну, как, что? Дом, походить там, к месту привыкнуть.

Я еле удержала ответ на языке своем про привычку к месту. Прямо вот подавилась им. Ржать хотелось ужасно. К месту он привыкнет, блть. Это тебе, милый. надо не ко мне, а к копщикам ямок два на полметра. Но, что делать? Желание клиента – закон. А чем тупее и жаднее клиент, тем сильнее я люблю его. Да. При условии наличия бабла.

Показала я им их будущий дом. Подошли к забору, за забором котлован, на заборе табличка: "Паспорт объекта тыры-пыры ". Стасик успокоился, морда красная, довольная. Сеструха инфантильно сосет ментоловую сигаретку. Распрощались. Договорились оформить через пару дней. И упылила я по делам до вечера. Вечером домой не попала. Заявилась в офис в районе обеда следующего дня

Навстречу мне мчался Гриня. Все лампочки длиннущего коридора сдохли от зависти к люминесцентной улыбке Григория. Куда подевалась важность, вальяжность и высокомерие? Гришаня чесал как школяр, сдувший у соседа по парте контрольную и получивший пятерку. В руках – черный дипломат. Сердце мое упало в пятки и не вернулось. Пипец... Дипломат принадлежал Стасику. А внутри – денежки на квартирку.

Чуйский тракт – старая колбаса. Много можно про него рассказать. Да че трепаться, все и так знают, что это за рыба и с чем ее едят. Запасы алкоголя дерьмового исчезали во мне ловко и бесследно. Ноябрь. Конец ноября. Даже число помню – двадцать восьмое. Во. Рано темнеет, поздно светает. Зима уже во всю херачет в Сибири. Снега валом. Ну, а мы добрались до Омска. Нормальный город. Город да город. Ничего там супер-пуперского нет. Димон зарулил на рынок. Время пять утра. Темно. Рынок закрыт, естественно. Это сейчас торговых площадей больше, чем продавцов и покупателей вместе взятых. Кому не хочется халявы? Есть такие? Вряд ли. Даже если вот прям до глубины души уверены, что не надо, один хрен, когда предложить им эту халяву, да грамотно предложить, заинтриговать и дать лизнуть... Все любят. Так о чем это я? Ага, тогда, в 2003 году, в Сибири разгула торговли не наблюдалось. Стоим. Ждем. Не то в семь, не то в восемь утра откроется. Димка спит. Я бухаю... И мультики свои прокручиваю... Уолт Дисней отдыхает.

Вот так, с моей седьмой воды на киселе и начались долги. Гришины долги. Я свою задницу страховала со всех сто-

рон всеми правдами и неправдами. Родственники уехали. Денежки оставили. Посчитали, что в сейфе-динозавре они сохранятся надежнее. Угу, наивные чукотские дети. Гриня все их проебал. Другого слова не подобрать. Именно проебал.

В темноте заскрипели шаги. Сонные, злые, недовольные. Да, да. По звуку шагов можно (и нужно) определить настроение, вес, рост, возраст, даже внешний вид человека. Врата базарные распахнулись. Димка ускакал. Я бродила вокруг машины, грустила, потому что все выжрала, а алкоголь где здесь купить в семь утра не знала.

Но не зря же говорят, что желание – тысяча возможностей. Через охранника рынка приобрела куски льда в непонятной жидкости. Через час вернулся Димон. Без одежды. С магнитолой автомобильной, идиотской улыбкой на обмороженном лице с висящими на волосках льдинками соплей. Идиот.

Не выношу яркого солнца. Особенно зимой. Глаза мои не выносят. Поэтому выпендриваюсь в солнцезащитных очках, коих у меня тьма тьмущая. Омск на солнышке блистал. Снег ждал лопат, ковшей, ног.

Мерзкая смесь песка-глины-соли уничтожала обувь, повышала продажи шузов.

Димка пыхтел. Магнитолу присобачивал в моей машине. И колонки прикупил. А фигли? Транжирил мои денежки нагло, без спроса. Конечно, с музычкой ехать оно кайфово, но ... А, да хрен с ним. В конце-то концов, отработает. Куда он, нахер, денется.

Вылакав купленную на рынке бурду, я затосковала. Да в самом-то деле! Скока можно пойло пить и дерьмо жрать. Этот вон, Димон, абы какую магнитолу не стал брать. Четкую взял, сцуко, дорогушую.

– Все. Теперь веселее поедem. Надо диски купить, – Димка, как мне показалось, в своем китайском целлулоидном костюмчике, при минус тридцати, не замерз.

– Надо коньяк брать. Давай в кафешку

В кафешку добрались через магазин для меломанов. А

Димка просто поехал туда и все. Я начинала закипать. Что за неуважение. Вывалив кучу дисков на сложенные аккуратной кучкой вещи в кузове, Димка выудил один, сунул его в магнитола, покрутил головой и ... попер на выезд из города ...

-Блть. Йопаный ты папуас! Рули в кафе. Тебе говорю. Щас вылетишь нахер отсюда, – я себя не сдерживала. Жрать хотелось, так, что переночевать негде.

– Дорого здесь. На трассе тормознем. Перехватим беляшей, – выдал мне попутчик.

Меня прорвало. Я набрала побольше воздуха, вспомнила самые гадкие выражения и ... выдохнула. Черт возьми, но он прав ... Только не беляши, конечно. Мои ж деньги экономят. Примерно через час подрулили к приличной с виду кафешке. Избушка такая сказочная. Снега на крыше уууууу Елки вокруг. Дымок из трубы ..

Мангал. Дровишки в поленнице. И тишина ...

Внутри простая деревенская обстановка. Домотканые половики, муляж русской печки, крынки, чугуны и т. д. и т. п. Пахнет вкусно. Посетителей нет. Только мы. Стол. Лавки. Притащили заказ быстро. Коньячок нашелся приличный. Димка, скромняга, пирожков заказал. Но тут уж я его слушать не стала. На пирожках далеко не уедешь.

Пока мой новоиспеченный компаньон не спеша заправлялся, я смаковала коньяк и думала ... Любимое занятие последнее время.

* * *

Дипломат с волшебными бумажками опустел махом. Куда? А вот бы знать. Родственнички появятся через месяц. Гриня вообще не волновался. Мало того, что профукал довольно приличную сумму, так он продолжал брать деньги под проценты у моих родственников. Совершенно случайно узнала, что тетка моя ссудила Гришане под нехилые проценты зелень. У меня за спиной. А вот когда взаимоотношения перестал получать свой ежемесячный доход от должника, то прибежал ко мне с дурными вопросами. Типа, чего это твой муж мне проценты не платит? Но на меня где сядешь, там и слезешь. Посланы были оба. Тетке грубить не стала. Отшила культурно. Грине высказала свое "фе".

А ком летел уже с бешеной скоростью. Мне нужно было просчитать его траекторию, и отскочить в нужное время и в правильном направлении.

– Натаха, сгоняй к тетке Вальке. Займи денег. У нее на книжке много, – Гриня развалился на офисном диване, за-

кинул ноги на стол и поглощал "Балтику 9" с вонючей рыбой. Морда такая, будто я даже не секретарша его, а проشمандовка какая-то, трахающаяся за "чисто пожрать". Хотелось вклеить пенделя и в конкретное место.

Молчу. Развлекаюсь в экселе.

– Ты че, глухая? Деньги, говорю, нужны. Займи тысяч сто-двести. Мне надо.

– Тебе надо – ты и пиздуй.

– Так она мне не даст. Твоей же мамки знакомая.

– Значит, брейся по всей морде.

– Я расписку напишу, Наталюшечка, сгоняй, а .. Вилы ...

– И че? Подтереться твоей распиской

– Я как положено напишу. Выручи, к тебе никаких претензий. Мне в долг.

– Пиши

Тетка Валька – интересная личность. Денег у нее действи-

тельно валом. Подруга мамы моей, в одной деревне росли, потом вместе в городе обустроивались. Эта подруга престарелая была еще жаднее моего родственничка. Имелся у нее взрослый сын, Сергуня. Года на два меня младше что ли. Алкаш, слизняк и несчастный человек, затюканный еще в утробе собственной мамашкой.

Блть, я как-то в детстве видела пару раз кормежку Сережки. Это полный здец. Пацана, уже немаленького, зажимали в детском стульчике для кормления малявок (ну, видели же такие стулья сл столом вкупе), и насильно пихали в плачущий рот питательное гано. Серега слабо отбивался. Но ули тут отобьешься, когда руки и все тело в кандалах. Он слабо вопил «ну, ма ...», получал порцию жрачки и заканчивал фразу «ма», и так, пока не сожрет все. Вся рожа в содержимом тарелок. Короче, годам к двенадцати из милого и доброго мальчугана стал вырисовываться конкретный такой свин. Да. Потом эта же дебильная мамашка лечила его от обжорства и ожирения. Ага. Ну, и характера у пацана никакого. Тряпка половая. Забухал пацан и годам к двадцати двум стал хронью, законченным алкашом, ненавидел мать, дрович в туалете, не работал.

А мамка его берегла каждую копейку. В буквальном смысле. Она все складывала на книжку. Были такие книжки сберегательные. Да. По-моему, и сейчас есть. Но не уверена. Так

вот. Держала эта скряга и себя, и сынулика в черном теле. Ходили в обносках, кормились всякой гадостью. Ага, собирали бутылки и всякую чухню по помойкам, а денежки копились на книжечке. А книжечка лежала в заветном месте. Иногда мне казалось, что у хозяйки в ж*пе. Настолько она, хозяйка, была жадной и недоверчивой. Вот к ней я и поехала с Грининой распиской.

Дома тетки не оказалось. Она, получая приличную пенсию, шакала по помойкам, еще и работа уборщицей в продуктовом магазине. Это что-то с чем-то. Адский труд. И я поперлась в магазин.

Зимняя трасса – не дорожка для велосипеда. Это сейчас есть ограничения для фур по времени. А тогда они шныряли круглосуточно. И ночью их попадалось довольно много. Мы же перли без ночевки. Делали короткие остановки для перекусов.

Ну, это Димка перекусывал, а я так пожрать не дура, далеко не дура. Незнакомые люди, обычно, испытывают шок, когда первый раз им выпадает счастливый шанс наблюдать за количеством съедаемого мною. Ну, каюсь, ну, да, люблю пожрать. Вкусно. Много. Часто. Нет, не часто – всегда. Время суток роли не играет никакой. Куда это все девается – загадка, как для знакомых моих, так и для меня. Но я голову не грею, жру в свое удовольствие, а чего там остальные – ваще пофиг.

Да. Так вот, Димка любил гонять по ночам. Фуры фурами, но трасса, по сравнению с дневной, не так загружена. Я, как истинный штурман и, к тому времени, водитель с более чем десятилетним стажем, не спала. Бухала. А чего? Набирала еды, коньяка, пива и расслаблялась. За руль мне не хотелось. А чем еще заниматься? И, потом, когда начинаешь бухать по-взрослому, без трусов, то выходить тяжело. А если

постоянно догоняешься, то вечный кайф. Пока ... потом-то становится ой, какой некайф.

Первая остановка на "поспать" была, по-моему, через двое суток после выезда. Димка подрулил к гостинице. С виду сарай сараем. Но я к тому времени находилась в том состоянии, когда что дворец, что хижина – один хрен. Желание лечь в полный рост на спину и количество выпитого спиртного придали сараю совершенно исключительный вид. Поэтому, на вопрос "будете сразу оплачивать или номер посмотрите", я шлепнула на стойку паспорт и протянула руку в ожидании "золотого" ключика. Мужик-портье глянул в паспорт – на меня, на Димона и поинтересовался,

– А вы кем друг другу приходитесь?

Ну, йоптыть! Полиция нравов, блть, мухосранская. Я открыла рот с ответным вопросом, состоящим из обсценов, но Димон меня опередил, промурлыкав,

– Тебе ни один хрен?

– Вот, и да? – как заядлая подсирала вставила я.

Мужик хмыкнул, сцапал мои денежки и потряс над моей ладонью ключиком.

– Я те щас точно въебу, – пропел Димон.

Мы поднялись на второй этаж. Зашли в номер. И я начала ржать вперемежку с навалившейся икотой. Таких номеров я никогда не видела ни до, ни после. Хотя очень, ну, ооочень много раз останавливалась во всевозможных гостиницах, отелях и прочих приютах для бродяг.

Значит так. Описание номера. Коротко. Лаконично. Без сю-сю и хрю-хрю. Внимание!

КРОВАТЬ! ВСЕ!

Да. Кровать и стены. Между стеной и кроватью пройти нельзя. Впритык стояла ко всем трем. С четвертой стороны, причем с торцевой, с той, где спинка торчит – входная дверь.

Ни тумбочек, ни шкафов, ни телека – н и ф и г у с е н ь к и. Между приступами икоты и ржача я разглядела с противоположной стороны от двери, т. е. за более высокой спинкой кровати, еще одну дверь. Чтобы добраться до нее, я прошла по кровати вдоль и , не слезая с траходрома, толкнула дверь от себя. И, вуаля! – велл ком – душ! Димон рухнул на кровать и зашелся в молчаливом истерическом смехе. А я, уже успев с кровати прыгнуть прямо в душ, пыталась, как обезьяна, за-

лезть обратно на кровать, то бишь войти в комнату и выйти из душа. Но, так как спинка у кровати довольно высокая, а я почти в дрова, то у меня нихренюшечки не получалось. Димка задыхался от смеха. Мои попытки перебросить тело из душа в комнату разнообразием не отличались. А какое тут разнообразие может быть? Все разнообразие ограничивали дверной проем и спинка кровати.

– Дай мне руку! Скотинка. Че ты ржешь!!!!

Димка дополз на животе до подушек и протянул мне дрожащую от судорожного смеха руку. Я, как утопленный в очке котенок, вцепилась в нее, присела на корточки и скомандовала,

– Тяни!!!!

Димон фыркнул, раскидав салютом слюни по всей моей морде, дернулся назад, запрокинув голову, и рука его взмыла вверх, а я, не удержавшись, шлепнулась на задницу и со всей дури треснулась башкой об унитаз. Из глаз брызнули слезы, унитаз упал и раскололся. Я сказала,

– мать.

Разбитый гостиничный унитаз напомнил мне покупку квартиры. Переехав из военного городка в Новосибирск в девяносто седьмом году, мы поселились в типовой двушке. Ну, а что такое типовая двушка в панельном доме? Да, совершенно в дырочку. Это коробка из-под апельсинов для чебурашек (кстати, Чебураха переехал потом в будку телефонную). Комнаты шестнадцать и девять метров, кухня – восемь. Туалет такой, что пукнуть страшно – взлетишь нахер или двери картонные вынесет. И ванна – заходим передом – выходим задом. Нет, я, конечно, все понимаю. Всем квартиру хоца. Но какого художника они такие? Это не квартиры. В нормальных квартирах шкафы для обуви больше, не говоря уж про гардеробные. А мы за эти кладовки выкладываем кругленькие суммы. Сейчас строят, строят приличное жилье, но ... цены. А кому не по зубам нормальная квартира (хотя ее, почему-то, гордо именуют "элитное жилье". Да какое оно к чертям собачьим "элитное". Оно просто ж и л ь е. И все), тем поналяпали так называемых "студий". Вот здесь я вобще валяюсь. "Студия"" – йокарный бабайка! Номер это гостиничный, а не студия. Вот у меня была студия. Да. И то не очень большая. Что-то около восьмидесяти квадратов. И не совсем студия. Щас, расскажу.

Короче, в агентстве в основном занималась финансами, делопроизводством, отчетностью всякой, кадрами, рекламой. Иногда корчила из себя юриста, но это там, где понтануть нужно было для пользы дела. Например, когда клиент пальцы гнуть начинал и учить меня ипаться. Еще реже занималась непосредственно риэлторской деятельностью. Но ... У меня вошло в привычку ежедневно просматривать не только новинки своей базы данных, но и общегородской. Особо интересны частные объявления. Тогда их печатали в газетах. Для физ лиц бесплатно. Вот там – то я и выцепила чудную квартирку в чудном месте (на мой вкус) и практически даром. Тетенька-еврейка с тремя большенькими детками уезжала на ПМЖ в Германию. Хатку продавала. Но взамен ей нужна была самая дешевая квартира, а лучше комната, для бывшего мужа алкаша. Я позвонила сразу же,

– Привет! Сонечка! Не узнала? Ой, богатой буду. Слушай, душенька, я тут проездом. Щас заскочу к тебе. Тут деткам подарочки передали. Но вот я запамятовала. Визуально помню, как к тебе добратся, а циферки все забыла ...

– Ааааа... Ой, Сашенька .. а я и не узнала тебя. Записывай...

Какой там "записывай", я его запомнила наизусть и навсегда. Сколько у меня после было адресов – ни один не помню.

А тот – ночью подними – скажу.

Ну, я накупила всякой всячины. Я ж не знала, какие там дети. Было указано, что дети. А сколько и что за дети – ни-ни.

Гриня где-то шлся. водила был на месте. Я сгоняла за дочерью. И мы с подарками пришли. «Радости» начались с входной двери. Ее не меняли с момента постройки. Дом строили военнопленные немцы. Нормально, да? То есть как в трех поросятах – Фуууу... и пипец. Но это только начало. Дальше веселуха поперла по-полной программе, с клоунами и воздушными гимнастами.

Значит, заходим. А дочка моя, Оля, деваха с закидонами. Она вот чего видит, то и говорит. Ага. Коридор порадовал. Но прежде чем попасть в него, нужно пройти через прихожую (блть, вот пишу сейчас и рыдаю. До того я любила эту квартиру... эх). Прихожка прямоугольная, на отшибе, никакие комнаты, санузел и кухни с ней не сообщаются. Чтобы в них попасть, нужно повернуть направо и там коридор, по площади раза в полтора превосходящий прихожку. Ну, и три комнаты, кухня, ванна, туалет. Потолки почти пять метров. Класс. Дом – кирпичный сэндвич, перегородки – листовница. ММММа конфетка. Только сильно погрызанная. Хозяйка встретила радушно, из вранья по телефону вы-

крутилась я свободно и непринужденно. Да Соня, так звали продавщицу, увидев подарки, не стала задавать глупых вопросов. Вот люблю я евреев. Да. Люблю. Пробабка моя еврейка была.

Соня показывала, рассказывала... Я ее слушала вполуха. За шесть лет нагладелась достаточно. Если коротко, то квартиры убитая вусмерть. От и до. А больше всего меня рассмешил унитаз. Вот он-то точно помнил задницы пленных немцев. Унитаз был расколот ровнехонько пополам, сверху до низу. Держался исключительно на честном слове и силе воли. Неприкасаемый такой унитаз. Да. Соня так и сказала, – И я Вас умоляю, не прикасайтесь к нему. Он еле дышит.

– Ой, какие у вас шторы на антресолях интересные, – тихо разговаривать Ольга не умела никогда, с рождения.

– Где? – Соня пялилась в указанном Ольгой направлении и тупо моргала

– Фубля ... фу ... Мама, пошли отсюда, я не буду тут жить, – и дочура пропылила на выход, шмыгнула за двери и поскакала вниз.

Я обалдела. Что случилось? Чего она там узрела? Ну, шторы, ну, грязные ... хм. Странно ...

– Ха-ха-ха! Тюуууу ... Так то ж не шторы! То ж паутинка. Паучок сплел.

Теперь я обалдела окончательно. Там паутинка в палец толщиной, яркого серого цвета. Похоже, что "паучок" жил еще при немцах.

В общем, купила я стены, крышу и перекрытия. Угу. Дешево, почти даром. Бригада строителей вынесла все к херам. Все. Даже стены до кирпичей ободрала. Ну, и забацала просто охренительный ремонт. Объединив спальню и гостиную, сделав альков, выпилив в стенах проемы под французские окна. Вот это была студия. Просторная, с выделенными зонами. А то, что сейчас обзывают студиями, это, извините, гробы в вертикальном положении. Пеналы для карандашей. Ну, да ладно. Кого-то они реально спасают.

Если вот совсем по чесноку, приложу, тьфу ты, положу руку на сердце, то очень плохо помню названия населенных пунктов да и сами пункты. Зима. Темнеет рано. Всю дорогу в зюзю пьяная. Да еще и ссыкотно было – Гриня не дремал и не ставил свечи в церкви за мое здоровье. Что он делал, какие предпринимал шаги, я могла только догадываться. Связи не было. Телефоны мы выбросили еще на выезде из Новосиба. Новых не покупали. Звонить никому нельзя. Даже Ольке. Можно было подставить ее очень круто.

Все крупные города огибали по объездной трассе. Наверное, интересно было бы посмотреть и на Волгоград, и на Уфу, и на Саратов ... но ... в то время во всю работали посты ГАИ или ГИБДД, да один хрен. Конечно, номеров наших Гриня знать не мог, но имена и фамилии ... А возможности у него были ... Вот и ехали мы по трассе, минуя населенные пункты. Но не всегда это удавалось.

Навигаторов в те годы тоже не было. Они наверняка были, но где-то не у нас. А мы купили атлас автомобильных дорог. Мне-то он как мартышке очки. Кретинизм географический сидел во мне основательно. У меня даже в школе по географии была твердая пара, но, так как по остальным предме-

там (кроме труда) красовались жирненькие пятерочки, то и по географии класуха, скрипя своими нечищеными зубами, вывела мне четыре в аттестат. Но я была тупа, как пробка. Даже стыдно. Но очень долго простой вопрос, Сибирь – это до Урала или после, ставил меня в тупик. Да. Но я не смущалась. Свою тупость географическую объясняла просто – Я свободу люблю. Летаю, где хочу. Потом выучила, конечно. Но как то не очень чтобы

А мы ехали. Безобразно себя вели. В одной кафешке с голодухи заказала неприлично много еды даже для меня. Ну, и, конечно же, не осилила. Организм сказал "бе" сытой отрыжкой. Горшочек глиняный с ароматным жарким остался нетронутым. Вот реально жаба задавила. Я ж его купила – купила. Значит мой. Попросила вежливо зашуганную и взмыленную официантку завернуть с собой. Димка цыкал на меня,

–Че ты позоришься? Оставь его. Купим в другой забегаловке. Поехали.

Ага. Щазззз. Мой горшок. Заверните. Будьте любезны. Но эта лахудра игнорировала мою просьбу. Будто и не слыхала. Ха! Ну, и ладно. Взяла жаркое вместе с горшком и пошла в машину. Оставила деньги за него. Сколько посчитала нужным. А не надо меня игнорировать.

Тетка Валя – метр с кепкой, если пнуть по касательной вверх. Этакая белесая мышенция. Нетолстая. Размытые глазки, но когда-то были голубыми. Швабра, обычная деревянная швабра, смотрелась рядом с теткой, как пилон. И ведро ... Огромное ведро. Как она его таскала ? Без понятия. Синий сатиновый халат почти до пят. Из-под цветастой, съехавшей на одно ухо, косынки, седенькие волосенки, как тычинки одуванчика, торчали задорно и весело. Взгляд орла, в поиках добычи.

– Привет, теть Валь. Как здоровье, – я знала о чем спрашивать. Про здоровье тетка говорить не любила, Но заботу оценила.

– Наташ, я денежки сняла, как и просил Гриша. А расписку написал?

– Слышь, теть Валь, а может ну его. Вот ты зачем ему деньги даешь., а?

– Так как же ... Мы с ним договорились. Я уже и с книжки сняла. Да. Там же проценты мне шли.

А Гриша сказал, что оплатит все проценты.

– Угу. Это какие же проценты он тебе пообещал? Если не секрет.

–Так как в банке. Пять

– Чего, пять? В год?

– Не .. месяц ...

– Йоптыть, да ты еще тот ростовщик, тетя Валь! Покажи мне тот банк, где под пять процентов в месяц деньги принимают. Я все и всех продам и вложу лет на цать. И трогать не буду. Я ж потом круче любого Билла Гейтса буду ... Я ху*ю ...

– А кто это?

– Чего, кто?

– Ну, этот .. Виль ..

– Да так, не отвлекайся. Через пару лет ты с таким процентами сделаешь его никем. Какие пять процентов в месяц? Где ты это взяла? Совсем сдурела на старости лет. Блть, ты ж от жадности сдохнешь. Совесть у тебя есть? Чучело.

– У меня сын есть.

– А у меня – любовников армия. И че???

– Мы договорились с Гришей. Твое дело маленькое. Привезла расписку – давай сюда. Бери деньги и проваливай. Мне работать надо.

– Че тебе надо? Работать? Да за каким ху*м тебе работать? Ты ж через месяцок деньги лопатой грести начнешь.

– Давай расписку. Бери деньги. И проваливай.

– Слушай, гений займа, а нафига я вам нужна?

– Мне нахер не нужна. Халда ты. -

– Ну, допустим. И?

– Это Гриша такое условие поставил, чтобы ты приехала, а я тебе деньги отдала.

– Ты че, от жадности вообще отупела? Ты хоть понимаешь, зачем ему это? Вот че ты вылупилась?

Нихрена ты не понимаешь. Да и черт с тобой. .Давай деньги. Держи расписку. Эээ нет, вот читать я ее не стану. Чао,

Во. Гриня внаглую обдирает всех подряд. Но при этом желает и меня подтянуть. Угу. Вот урод. .

До офиса на машине минут сорок пять – час. За рулем прекрасно думается. Когда отдавала Грине деньги, пазл сложился красиво, но рискованно. Ничего другого придумать не могла.

Коньяк пила не каждый день. Иногда шептало пиво. Почему-то с жареными семечками заходило душевно. Но жалко зубы. Пробовала очищенные. Неа, фигня. Вообще мимо. Видимо, сам процесс "щелк – тьфу" интриговал много больше, чем продукт. Хотя, смотря что называть продуктом.

Им может быть услуга, информация и даже воздух. Ага. Несколько месяцев в 97 году я продавала воздух. Честное слово. Дорого так продавала. И ведь покупали! Я фигею с нашего народа. Плачут, что денег нет, налоги задолбали, цены кусают, а поди ж ты, воздух за энное количество долларов хапали, как здрасьте. Все-таки в нашей, беззаветно и безответно любимой мной стране, есть (есть, йоптыть!!!!) гении. Полно гениев.

Я только-только сошла на твердую платформу вокзала. А он тут как тут. Стоит, в глазах собачья преданность, красатуличка, милашка, такому хочется отдать последнюю рубашу. Да что там рубашу! Йо моё! Трусы последние снять и подарить. И рассказывает мне такие сказки, что Андерсен вместе с братьями Гримм не курят, а прям таки жрут нюхательный табак и рыдают. Ну, а мне работу полюбому искать. И я заинтересовалась. Нет. Работу мне никто не предлагал. Но я ж

не вчера родилась. Врубилась ху из ху. После двух бутылок пива узнала адрес, имя главного мошенника и пошла.

Короче, продавали воздух. Но не просто воздух. Кому нужен воздух в деревне Гадюкино, к примеру. Да и вообще, в России?. Может кому и нужен, но не за ту сумму. А мы продавали воздух на экзотическом острове Тенерифе. Ну, знаете же, что это такое? Самый крупный остров на Канарах. Но мы продавали не остров, не часть острова, и даже не путевку на остров. Мы продавали время, временной период, когда можно приобрести путевочку или просто посетить это волшебное место. Знали про него больше, чем любой абориген. Да. Мелочей для нас не было.

Существовало две команды. В задачу первой входило заинтересовать на улице как можно больше людей и пригласить на презентацию, которая проходила ежедневно. А мы должны были продать воздух.

Средних размеров помещение, дорогая мебель, но не кричащая, а именно дорогая. Столы, стулья, кресла, диваны. Всякие фигнюшки, якобы с острова. Мы сидели каждый за своим столом. На столе лист бумаги, дорогая ручка, буклеты с умопомрачительными видами на счастье. Мишура всякая, одним словом. Ну, и прикид у нас соответствующий. Никакого красного, яркого, ядовитого цвета. Все пристойно

и прям орет о нашей состоятельности. Кофе, чай, пироженки., конфетки., бутеры с икрой, шампанское, фрукты.

Народ приходил вечером. Разношерстный народ, но при бабках. Нищих не приглашали. У ребят глаз был наметан. Да в этом ничего сложного и нет. Все просто, также как и в наших болтологиях все предельно просто. От чего зависит успех таких продаж? Много от чего, включая человеческий фактор, но есть основное.

Первое, ты должен верить в себя. Второе, ты должен верить в продукт. Третье, ты должен знать все и даже больше, о том, что продаешь. Но без первых двух пунктов третий – лишний балласт памяти. Вера и уверенность. И все. За один вечер в офисе совершалось от трех до пяти сделок.

На комиссионные за одну сделку можно было безбедно жить пару-тройку месяцев. Это уж у кого какие аппетиты. Но каждый из нас совершал минимум одну сделку в неделю. Так – то вот.

Зачастую народ кричал, что у меня с собой столько нет (да мы в курсе вообще-то), а дома есть и я прям хочунимагу. Ну, так прекрасно. Вызываем «такси» за наш счет, которое было собственностью компании, и едем к вам домой. И здравствуй, Счастье!

Если вы думаете, что я мучилась от угрызений совести, то мне вас искренне жаль. Кого жалеть? И за что? За то, что ты debil – мне тебя не жалко. Я работаю, а ты покупаешь сказку. Да. Каждый получает то, что хочет.

За Уральским хребтом мороз вел себя скромнее. Но все равно зима. Снег, елки с соснами, голые лиственные деревья. Да все так же, как и у нас, в Сибири.

Заправка оказалась в двадцати минутах среднескоростной езды. Залила полный бак. Но хотелось заправить и газовый баллон.

Раньше, до Форда, я слышала про газ, но не «нюхала». Знакомые хвалили, но для меня данная тема была не актуальна. Ну, есть и есть газ. Подумаешь. Форд оказался оборудован. Грузовом салоне помещался баллон с газом, довольно большой и на нем спокойно могли разместиться два человека, как на диване. Чтобы перейти с газа на бензин или наоборот, достаточно нажать на кнопку. Сейчас газ стоит не дешево, но се равно на нем ездить выгоднее, чем на бензине. А в те годы он вообще копейки стоил. Только тогда заправок мало было.

У водителей расспросил про газовые заправки. И один добрый дядечка нарисовал мне схему их расположения аж до самого Волгограда. Примерную, конечно. Самая ближайшая из них находилась неподалеку. За час можно смотаться туда и обратно. И передо мной стал вопрос: Возвращаться

ли за Димкой.

Ну, а нафиг он мне сдался? Пусть возвращается. Я же отдавала себе отчет том, что не люблю его. Конечно, симпатии и страсть присутствовали, но это, как говорится, не повод для знакомства. Через полгода, ну, на крайняк, при самом лучшем раскладе, через год, я на него смотреть не смогу, не то что трахаться. И что? Куда его девать? Сказать, мол, извини, Димон, но не пошел бы ты вон. Как-то вот не комильфо. А сейчас все смо собой, по тихой грусти и решится. Денег ему хватит до Новосиба добраться.

Но я вернулась. Не знаю почему. Заправилась газом и вернулась.

Димка сидел на канистре и курил. Подъехала. Сижу. Смотрю перед собой. Он подошел, открыл дверцу,
– Я думал, ты разбилась где-нибудь. Двигайся.

Я переползла с водительского на пассажирское место. И мы поехали дальше. Молча.

Я допивала очередную бутылку коньячелы, а Димка рулил, изредка поглядывал на меня как-то рассеянно-грустно. Мне его состояние не понравилось. Такое впечатление складывалось, что он вообще не соображает, где находится и что делает. Тело здесь, а Димки нет.

Трассу зимой , конечно же, чистят. Но скользкой она быть не перестает. Чтобы справиться с машиной, когда она потеряла управление, да еще на скользкой дороге, нужен опыт. А причиной такой «потери» может стать обычный камешек.

Что стало «причиной» у нас нам выяснить не удалось. Но Форда нашего начало крутить, как на карусели. Как там, «... все вертится и кружится и несется кувырком ..» Вот да, точнее не скажешь. Я изо всех сил уперлась ногами в пол, а руками закрыла голову. Димка хладнокровно уговаривал машину вернуться на место. А Форд выписывал па фигурного катания, визжал шинами, ехал вперед то мордой, то ж*пой, короче, веселился.

Те несколько минут, за которые Димке удалось вернуть управление сбесившимся микроавтобусом, мне показались вечностью. Все закончилось так же неожиданно и резко, как и началось. Обгонявшие нас водилы показывали Димке поднятый вверх большой палец, трясли сложенными в замок руками, лыбились идиотскими улыбками.

Димка отобрал у меня бутылку и, прямо на ходу, хлебнул из горла так, что коньяк полился по его лицу, одежде, проник в нос и даже промочил босые Димкины ноги.

Да, ни к черту нервишки. Я себе такого не позволяла.

Пару раз побывала в лобовых атаках. Страшно так, что обосраться можно в легкую и не заметить. И уже неважно, кто там прав, кто виноват. Спасибо папиной школе. Удалось и самой остаться в живых, и людям жизнь сохранить.

На под завязку забитой трассе столкнуться лоб в лоб – это ж десяток машин изуродовать можно. А в каждой, почти в каждой, пять человек.

Я уже могла до мелочей рассмотреть лицо водителя. Сосредоточенно тупое рыло. Он даже не соизволил сбросить скорость. Пер, как носорог. На две стороны три полосы. Так-то по одной на каждой, но по давно заведенным и негласным правилам, те, кто спешил (обычно на паром), вставляли посередине и ... «вольному воля». А я спешила постоянно. У меня то паром, то работа, то любовники.

Убедившись, что островок скоростной свободен, я выскочила и ускорилась. Справа сплошной поток машин и слева сплошной поток машин. Идут, уткнувшись друг другу в жопу мордой. Какая там дистанция! Кто бы ее соблюдал. Скорость у меня сто тридцать. И тут со встречной полосы рез-

ко выскакивает какой-то черт и начинает прям таки бешено ускоряться. Прет четко мне в лоб. Вот как так? Он же прекрасно видел меня, когда пошел на обгон. Ну, допустим, не видел. Но сейчас-то видит!

Гастелло, блть. И он не только не сбросил скорость, он продолжал ее резво набирать.

Знаете, время умеет останавливаться, растягиваться, становиться густым и вязким. При этом звуки тоже растягиваются до неузнаваемости, становятся низкими и противными, страшными. Это как замедленные съемки под водой.

Я мысленно прощалась с родителями, с дочерью. Поблагодарила бога, что нахожусь одна в машине. Вот, говорят, что в таких ситуациях вся жизнь перед глазами проходит за секунды. У меня вся жизнь скукожилась и съебалась от греха подальше. Но четкие, яркие картины проскочили очень явно. Это как обрывки киноленты. Кадры, вырезанные из разных лет жизни, а потом склеенные в одно целое. Жуть, короче. Не дай бог кому такое.

Ну, а мне помирать не хотелось, поэтому одна часть моего многофункционального мозга смотрела кино, а остальные работали на выживание. И вот что удивительно, водители, находящихся справа от меня машин, чувствовали себя спокойно, и ни одна сука не соизволила притормозить и дать

мне возможность вклиниться в ряд. Или прижались бы к обочине, предоставив мне место для маневра. Ведь если мы поцелуемся лбами, то находящимся рядом водителям придет тот же пиздец, что и нам.

Мне терять было нечего и я в наглую начала прижиматься к машине справа и вытеснять ее на обочину. А что еще делать? Даже если бы мне удалось тупо остановиться, это не спасло бы ситуацию, носорог пер буром.

«Вот и все. Сейчас я услышу характерный скрежет и ... полетели» С такой мыслью я рассматривала тупую морду оппонента и продолжала «двигать» на обочину соседнюю «Мазду». Но «Мазда» упорно сопротивлялась.

Я была уже готова столкнуться с ней – все лучше лобового, но в последний момент мне удалось подвинуть эту «во поле сосну». Носорог пропылил мимо, в миллиметре от меня, я вернулась на «скоростную» полосу, добавила газку и затянулась сигаретой. Все это время она была у меня в руке.

Описание долгое. А там, на трассе, на все про все мне было дано несколько секунд.

P.S. «Мазда» – название для иностранцев. Официально фирма в Японии называется «Мацуда», по фамилии основа-

теля. По иероглифам «сосна» и «поле».

Встали когда встали. Ощущение такое, будто проснулся в гробу. Я лежала на животе. Кое-как разлепив по очереди глаза, принялась фокусировать взгляд. Взгляд уперся в злосчастную дверь за спинкой кровати, и мгновенношибануло молотком по затылку. Медленно, с опаской, повернула голову налево, направо – стены, замуровали ... И как-то само собой начала орать. В гробовой комнате кроме меня никого нет. Вы не представляете, как мне стало страшно. С бодуна и так состояние будто грохнул кого-то накануне, а тут еще стены кругом ...

Орала не очень долго. Входная дверь со скрипом отползла в сторону, появилась косматая Димкина голова, поднос с кофейником, бутербродами, коньком и , барабанная дробь (зима, если чо, мухосранск) розы! Мой истошный, леденящий вопль, идеально подходящий для озвучки фильмов ужаса, плавно перешел в восторженный поросячий визг! Не, я не люблю сорванных цветов, но дело-то не в этом. Это ж мне, ради меня Блин, слов нет, как приятно ...

Я уж и забыла, когда последний раз хоть какая-нибудь сволочь приносила мне кофе в постель. Да бог с ним, с кофе. «Доброе утро» забыла, как звучит не на официозе ...

Проснулась от странного толчка. Да что же это такое? Пробуждение должно быть легким, светлым, как летний ветерок. А я второй раз подряд просыпаюсь так, словно умерла вчера.

Ага, Едем. Темно. Абсолютно темно. Только впереди и далеко-далеко внизу огоньки мелкие. Потрясла головой. Йоптыть, летим что ли? Посмотрела на Димку. Тому вообще пофиг. Сигарета в зубах, улыбочка самому себе и Кримсон орет так, что глаза режет. Глянула на спидометр. Ощущение полета усилилось.

– Куда летим?

–А? Проснулась? Гляди, красота какая. Урал. Перевал. Смотри, смотри вниз. Видишь огоньки? Это дома.

– Дома?

Я вцепилась в сидение. Дорога узкая, без ограждений. А то, что было «дома», походило на искры от сигарет. Форд, как заправский горнолыжник, со всей своей дури летел вниз. Впереди узрела крутой, почти под сто восемьдесят градусов, поворот. Димка скорость не сбрасывает. И мне показалось, что он и не собирается никуда поворачивать. Так вот по прямой и в космос. Создавалось ощущение, что вот, сейчас, мы долетим до края пропасти. А там трамплин. Сиганем мы с этого трамплинчика и взмоем вертикально вверх, потом просвистим камнем вертикально вниз, рухнем на елки, и, сбивая снег с растопыренных лап, ломая их, сами

станем снегом. Че-то сильно захотелось жить.

– Блть!!! Скорость сбрось, придурок! Поворот там!

– Да ну? Нахер все эти повороты и тормоза! Вперед – к звездам! «Я сегодня ночевал с женщиной любимой ... тра ля ля ...»

Я закрыла глаза. Форд с визгом вошел в поворот на двух колесах, утонул в поднятой им снежной пыли, вздрогнул (будто только что кончил) в конвульсиях оргазма, встал на все четыре и покатил, как ни в чем ни бывало, дальше, вниз ... Димка орал совершенно непотребные песни, магнитола пыталась перекрыть его (ага, как же, перекрычишь его). Я, обливаясь и обжигая лицо, хлебала коньяк прямо из бутылки. И да, было полное ощущение, что и я кончила.

Мы заблудились. Ну, я-то, в силу своей географической гениальности, понятно. А вот Димону непростительно. Кружили уже час. Как в заколдованный круг попали. Димка тихо матерился, и, насколько я поняла, перейти на общенную лексику его вынудили дорожные указатели и те, кто их устанавливал.

– Все, пиздец, приехали. Здравствуйте, девочки!

– Че приехали-то?

– А все – газ кончился.

– Так на бензин переключи.

– А ты думаешь, я тупее тебя? Кончился бензин.

– Йокарный бабай, Дима! Не разочаровывай меня. Какого лешего ты не заправился?

– Не было заправок. Сиди, короче. Я пошел.

– Я ж замерзну ...

– Потанцуй ...

Взял канистру и ушел. Нормально? Минус двадцать с хвостиком, если че. В машине тепло, пока печка работает. А как только перестанет – ибун конкретный моментально. В машине сидеть невозможно. Пошла гулять. По трассе ... Угу ...

Минут через пять останавливается тачка. Сдает назад,

опускается стекло, высовывается мужик,

– Замерзла?

Я молчу. Прыгаю. Далеко от машины не отхожу.

– Сломалась что ли?

Молчу.

– Глухая? Что с машиной? Давай поможем.

Я осмелела,

– Газ кончился.

Мужик открыл рот, хотел про бензин спросить, точно.

– И бензин кончился,— опередила я.

– И все???? Ну, блть, проблему нашла.

Вышел из машины, открыл багажник. Взял канистру и пошел к Форду. Поскакала за ним. Мужик по-хозяйски залил бензин в мою машинку, развернулся и потопал обратно.

– Эй, дон Кихот, а деньги?

– Гыыыы ...Гусары денег не берут-с. Расслабься, зая, не надо денег. Я – тебе помог. Ты – мне поможешь. Ну, может и не ты конкретно. Давай, дуй на заправку.

Села на водительское сидение, повернула ключик зажигания, включила печечку, музыку, закурила ... кайф... и ... поехала.

Сначала очень осторожно, потому как давненько за рулем не сидела. А это ведь как иностранный язык – нет практики – нет языка. Так и с вождением. Но, опыт не пропьешь. И вскоре я уже уверенно неслась по трассе в поисках заправки.

Познакомил меня с автомобилями мой папка. Профессиональный водитель и автомеханик от бога. На слух определял практически любую неисправность. Водить мог все, от мопеда до огромного заправщика самолетов. Последний – это такая дура, йо мое!

Первые уроки вождения получила лет в девять. Был у папули Москвич 412, цвета весеннего солнечного неба. Обучение проходило на проселочных дорогах. Меня просто помещали за руль и давали отмашку. Я, высунув язык, буквально вращала руками в руль, попой – в сидение. До немоты пальцев сжимала баранку. А рулевое москвича и японки, или того же Форда, это вам не хрен собачий. Там гидроусилителя нет. Так что заодно и бицепсы, и трицепсы прокачивала. Да.

Ученица из меня вышла толковая, хватала все на лету, но вот азарт мой папу не радовал. Потом, много лет спустя, когда у меня появилась своя машина, папуля ездить со мной боялся. Сидел на заднем сидении и молча возмущался. У него, между прочим, за пятьдесят лет водительского стажа ни одной аварии. Ни одной. Ни по его вине, ни по не его вине. Он мне всегда говорил так,

– Ты – водитель только тогда, когда можешь и должна просчитать не только свои действия, но и действия всех, кто хоть как-то может повлиять на ситуацию на дороге.

Он никогда не превышал скорость. Не игнорировал ни одного знака ...

Наверно, это правильно.

И еще одно правило он вбил в мою беспокойную голову: «Пропусти дурака».

Я же носилась, как ведьма на помеле. Но аварий и у меня не было.

Случались неприятные ситуации, но как-то выруливала. Помню возвращалась от родителей. Погода такая промозглая. Темно и мокрый снег хлопьями валит. Народ еще не привык к гололеду, тащатся еле-еле, очкуют. А мне, не помню зачем, но до зарезу надо было в город попасть как можно быстрее. Рядом со мной, на переднем сидении, дочь. Лет пятнадцать ей было. Лобовое стекло на короткое время становилось чистым. Такой мощный снегопад был. Трасса узкая, по одной полосе в каждую сторону. Машин херова туча. И все, как в штаны наложили, еле тащатся.

В то время у меня была «Тойота» Универсал. Механика. Удачная машинка попалась. Хлопот не доставляла, бегала отлично. Передний привод. Я вот как-то задний не очень. Вот. Ну, и обгоняю по встречке эту вереницу засранцев. Дорога, кстати, впоне сносная, просто резину вовремя менять надо. А руль правый. Слева – дочь. Сидит спокойно, но внимательно, втихаря от меня, вглядывается в темноту. Я

включая поворот и собираюсь пойти на обгон. И вдруг дочь резко так,

– Стоять! Стоять, говорю! Не обгонять!.

Вообще, молодец, конечно, с психологической точки зрения она все сделала супер верно. Резкий и громкий голос, запрещающее слово. Сработают рефлексы и человек тормознется. Я ничем от человека не отличаюсь. Тормознула. Но у меня в ту же секунду возник и сам собой выскочил резонный вопрос,

– Какого хера?

Ответ получила молниеносно. Мимо нас на огромной скорости пронеслась по встрече серая масса, видимо авто, без единого огонька. Представляете? Темно, как в заднице, снег сплошной стеной валит, скользко, а этот убог несется под сотню с выключенными фарами, без габаритов., вообще без единого мало -мальского огонечка, хоть бы сигарету, сцуко, курил.

У меня не только сердце в пятки шмякнулось, но и матка туда же опустилась. А дочь сидит спокойненько, и так, сквозь зубы (15 лет ей) цедит,

–йобанный ты папуас.

У меня начался истерический смех.

Димка пребывал в непригодном состоянии. Потому что ни на что не годился. Нажравшись моего коньяка, не выпустив руль из рук, он съехал на обочину, обнял баранку и захрапел. Натурально захрапел. Пилять, еще и храпит. И чем бы себя занять ... Нажраться коньяка и задряхнуть рядом? Да ну нафигОпасно. А че мне делать-то? Вышла, прошвырнулась туда, прошвырнулась сюда. Холодно, однако. И тут мою светлую голову осенило.

Я спихнула Димона на пассажирское сидение. Ну, как смогла, так и спихнула. Не очень удачно вышло. Голова оказалась на полу. Да ему один хрен. Ниче не чувствует. Зато храпеть перестал. И поехала. Осторожненько так поехала. Девяносто и ни грамма больше. С гиббдэдэшниками мне разговаривать не хотелось (прямо вот прет меня от этого «гиббдэдэшник», так это матерно звучит. Гиббдэдэшник ты. Класс).

Я, вообще-то, подшофе к машине близко не походила. Но, один раз было. Нда ... Стыдно до сих пор вспоминать. Ну, чего уж теперь кокетничать.

В Новосибе я вела двойную игру в жизнь. На работе – де-

ловая клюшка. А после работы — ебнутая погремушка. Угу. Компашка подобралась веселая, без комплексов, голосистая и легкая на подъем. И на здоровье, пока, не жаловались.

Трио блядунисток. На троих и сообразить могли, и уйти в такой разгул, что потом плохо помнили, кто мы и где.

Лето. Пятница (ох, уж эти пятницы). Мы, я и две таких же раздолбайки, Ритуля и Ксюшка, облавив всевозможные злачные места, приземлились у меня. Тогда проживала я еще в обычной двухкомнатной квартире, в панельном доме, на четвертом этаже. Все соседи, включая и нашу семью, заселились в новый дом почти в одно время, да так и жили в нем. Пока имели статус новоселов, «перепились» и «перееблись» всем подъездом. Шутю. Перезнакомились просто. И продолжали общаться культурно, с некоторыми породственному. Вот. В основном, пенсионеры.

И мы давали им джазу. Устраивали танцы на столе до утра, песни орали, как резаные, да много чего вытворяли. Соседи терпели, беседовали со мной на предмет «ай, ай, ай, да как же так у тебя дочь какой пример подаешь». Выслушивала молча, по причине жуткого похмелья или недосыпа. Монолог иссякал минуты через три, так что можно потерпеть, тем более, что вину я чувствовала.

В этот раз мы так устали, что попадали кулями на диван,

кровать, а кто и на пол. Ни петь, ни свистеть не могли. Голова гудела от клубняков, ноги ныли от каблуков, в ротиках – кака. Лежим. Отсыхаем.

Время что-то в районе четырех-пяти утра. Мы бы так и уснули, но ... За каким-то художником приперся Риткин френд, который бой. А звонок дверной стоял такой противозный, мертвого поднять мог. И этот бой воткнул свой поганый пальчик в кнопку, прям вот навалился всей массой на бедную. Мы повскакивали мгновенно. Ниче понять не можем, шаримся по квартире. Пока сообразили что к чему, пока доползли до двери, головы наши возмутились такой болью, что глазки увеличились в размере вдвое. На лоб, блть, вылезли. Запустили Вовчика. Так он ни здрасьте, ни извините, а к-а-ак наехал. Причем наехал на всех, как будто всех нас трахает и делает это, ну, просто божественно.

Ритка развернулась и быстренько заняла кровать, Ксюха, не будь дурой, пристроилась на диване. А я, как идиотка, стою и выслушиваю бред какого-то недоделанного задрота. А он тарыхтит, как отбойный молоток – слово вставить невозможно. Значит, эти мартышки дрыхнут, а я, как говорится, за мои же шанежки еще и пидорас? Внутри закипало оно. И когда закипело, я гаркнула,

– Пошел нахуй, долбоеб!

Вова клацнул зубами,

– Вообще-то, я не с тобой разговариваю, не встречай.

Ох, нифига себе! Он еще и огрызается. В моем доме. Зря

он меня разозлил. Долго терплю, но если срываюсь, прячесь все, я не виновата. Кстати, сынуля эту тонкую грань чувствует четко. И собаки с кошками тоже. Да. Когда нашкодят, и срыв на подходе, в доме наступает мертвая тишина и никого не видно.

А этот геморрой стоит и крылами машет.

Когда он заорал, прибежала Ритка. И давай его жалеть, а на меня орать. Нет, ну, это уму непостижимо. Что ж они все такие наглые сегодня. Ох, распустила я их, ох, распустила.

Вовчик катался по полу, зажав причинное место и поскуливая с вытаращенными глазами. Я удовлетворенно наблюдала за его муками. Прямо бальзам, не, коньяк в мое пересохшее горлышко.

Ритка, покрутившись возле любовничка, вдруг побежала в душ, потом начала наводить марафет. Мы с Ксюхой с недоумением на нее таращились.

— Че вылупились? Одевайтесь. В больницу этого урода повезем. В дурку. Все. Заипал он меня.

Мы не просто онемели, мы охуели. Заикаясь, осторожно спросила,

— Ритуля, а зачем в дурку?

— Затем. Все вам скажи. Поехали.

— А вот хрен тебе, пока не скажешь, никуда не поеду. Такси вызывай.

— Ладно. Короче, на иглу он подсел. Да. Я его лечила. Бабула столько втюхала в эту скотину. Ну, он несколько месяцев

продержался, а потом .. вон, сорвался. Глядите.

И Ритка продемонстрировала нам пупок своего хахаля. Мы пошли одеваться.

Мне было страшно ехать по городу. От меня и всех остальных, кроме Вовчика, так перло перегаром, что прикуривать можно было через стекла, стоя на улице.

Дурка находилась за городом. Недалеко от свалки. Ну, так-то все верно.

Когда мы почти приехали, оставалось каких-то три-пять километров, Ритка задумчиво, самой себе, произнесла,

– Ну и? Привезу. Угу. Положат его. Бабки платить. А он выйдет и опять. По кругу. Бабки, бабки Да нахуй он мне сдался.

Мы молчали. Ритку в отсутствии логики обвинить никак нельзя. Побеседовав еще немного с собой любимой, Ритка заорала мне в самое ухо,

– Разворачивай машину! Разворачивай быстро!

У меня зазвенело не только в ушах. От неожиданности даже подпрыгнула и слишком резко затормозила. Машину занесло, Вовка свалился на пол, Ритка со всего маху ткнулась носом в мой затылок, Ксюха – лбом в стекло. И только я осталась целой и невредимой. Справедливость восторжествовала, о чем я не замедлила сообщить,

– Бог то он не фраер. Угу .. – и зыркнула исподлобья в зеркало заднего вида на Ритку. Ритка задрала голову вверх, пытаясь остановить кровотечение.

– А меня за что? – жалобно поинтересовалась Ксюха.

– Я ничего не делала.

– А надо было! – хором проорали мы с Ритулей.

Вовку в тот же день сдали его родителям вместе с вещами.

Запускать меня одну на незнакомую трассу – затея, мягко выражаясь, дурацкая. Читала внимательно указатели. Пока еду правильно. А куда вообще я еду? Как-то спонтанно выбралось южное направление. Но конечная точка пока даже для меня оставалась зашифрованной.

Чем дальше от дома, тем теплее и теплее. Димка сказал, что в Краснодарском крае сейчас плюсовая температура. С одной стороны хорошо, но с другой ... Во мне проснулась зануда. Самая противная из всех меня. Редко, но высывается. Видимо, не переносит алкоголь. Вот стоило мне протрезветь и здравствуй, старшая мамина сестра. Оооо! Она еще та нудятина и скряга.

Мелькали названия поселков, городов, городков. А потом я увидела речку. Табличку, с указанием имени речки, видимо, прощелкала. Остановилась. Достала атлас и уставилась в него, как баран на новые ворота. Как мне узнать, где нахожусь?

Крутила несчастный атлас и так и эдак. Блть, ни дать ни взять – мартышка натуральная. Впервые я с неподдельной тоской пожалела, что не учила в школе географию. И такое зло меня взяло на саму себя. В конце концов из конца в конец, это не высшая математика, это вообще не математи-

ка, не физика и даже не химия. Это нарисованный чертеж в масштабе. Фигли там разбираться.

Все оказалось до противного просто. А причина моей тупости лежала на поверхности – мне было лень разбираться.

Полистав атлас, поняла и где нахожусь, и как ехать дальше.

Мы прибыли в Тольятти. А речка, ни много ни мало, называлась Волга. Я чувствовала себя гением топографии и географии.

Мелькнула дурная мысль, разбудить Димку. Прогнала, отпинала ее подальше, сделала глубокий вдох, задержала дыхание, построила рожицы зеркалу, шумно выдохнула, будто полстакана спиртяги тяпнула, мысленно (не, вру, не мысленно) перекрестилась и рванула на мост.

Мосты там шикарные, особенно последний, на выезде, где Волга превращается в водохранилище. Справа Волга, слева водохранилище, а-ля море, и мост. Красиво. ГЭС, по-моему, Жигулевская, но, могу наврать. Очень долго ехать.

У меня аж дух захватило. Правда, шикарное место. Ну, а далее пошли заводы. Терпеть их не могу. Они нагоняют такую тоску, что выть хочется.

Я только потом поняла, что проехала не через один, а через два города. С одной стороны реки Тольятти, а с другой – Жигулевск. Но мне простительно. Я только начинала знакомиться с картами.

Димка все проспал. В одном из поселков мы как-то слу-

чайно забрели в магазин мужской одежды. У меня чуть глаз не выпал. Деревня глухая, а полки ломаются от крутых брендов. И цены нереальные. В то время китайцы еще не прибрали к рукам производств. Но я ж фома неверующая, и шмотки для Димки чуть ли не на зуб пробовала. Накупила ему херову тучу обновок. Все взяла. Вплоть до трусов.

А сейчас мы подъезжали к очередному поселку. Да Краснодара оставалось примерно полторы тысячи километров из четырех тысяч. Большую часть пути мы преодолели без происшествий. Я расслабилась. Погода с каждым километром улучшалась. Солнышко пыталось греть. Нацепила очки, закурила, сделала громче музыку, и прижалась к обочине. Меня остановили гайшники-гиббдэдэшники.

Мне очень хотелось знать, какие шаги предпринимает Гриня, в надежде вернуть сбежавшие денежки. Можно позвонить дочери. Есть и сотовый, и стационарный телефоны. Но где гарантия, что на момент звонка рядом не окажется ненавистного отчима. Да Гриня мог легко прицепить самую элементарную прослушку на телефон. С этим и детсадовец справится.

А на связь выходить надо. С тем же Гриней. Надо. Но позже. Сейчас необходимо добраться и приобрести недви-

жимость так, чтобы ни какой суд у меня ее в счет долгов мужа, а мы все еще находились в браке, отместить не смог. Это элементарно делается.

Когда Гришка набрал себе в долг денег, как дурак фантиков у моих родственников и знакомых, я переоформила долю дочери в моей квартире на отца, своего разумеется. На себя я никогда и ничего не оформляла. Я – нищая. У меня нет, и не было, ни жилья собственного, ни машины, ничего.

Теперь и у дочери нет. Все на отце. Маму не трогала, здоровье у нее слабое, не надо ей лишней информации. Да и отец не владел никакой инфой. Для их же блага. И опять я все сделала правильно, как показали последующие за этим события.

Трудности передачи доли дочери деду состояли в том, что как-то это нужно было объяснить Грине. Не забывайте – он юрист, и юрист умный и грамотный. Он – опасный и достойный соперник. Играть с ним интересно, захватывающе, рискованно, адреналин гоняется на бешеных скоростях.

В такой игре самое главное нельзя недооценивать противника, но и переоценивать не стоит. Гриня меня не дооценил.

За что и поплатился.

Начал он с того, что как-то в разговоре небрежно бросил, – Натали, да не плати ты за квартиру. Я тебе официально заявляю, они не имеют права отключать ни свет, ни воду, пока нет решения суда в их пользу.

Я распахивала свои наивные глазки и согласно кивала го-

ловой. Ну, и регулярно оплачивала счета.

А вообще, Григорий лоханулся и навсегда потерял мое доверие на много раньше, еще в далеком девяносто третьем году. Сразу после свадьбы.

Да, вернемся к квартире. Надо было заинтриговать Гришку, сделать так, чтобы он сам предложил переоформить Олькину долю на отца моего. На себя он не станет ничего оформлять. При таких долгах иметь имущество движимо, а тем паче недвижимое, это лучше сразу идти в дурку. А что такое может заинтересовать человека, по самое никак

Сидящего в долговой яме? Точно – деньги. Но он, должник, сам должен предложить, вежливо попросить, даже поупрашивать меня пойти ему навстречу и уговорить отца разрешить оформить на него эту злосчастную долю в несчастной квартире. А я снисходительно кивну головой, мол, ну, так уж и быть, ты меня уболтал, болтун, тебе легче дать, чем объяснить, что не хочу. И должник счастлив и благодарен вам за вашу доброту и понимание. А? Красиво? А то. И это только, даже не цветочки, а так, тычинки-пестики. Угу. А так-то я дура.

Блюстителю порядка на дорогах, размахивая «волшебной палочкой», приняв стойку «я – бог», подходить ко мне не собирался. Ну, и ладушки. Постоим. Выходить из машины в мои планы не входило. Никогда не выхожу. Зачем? Устоявшаяся привычка из веселых девяностых. Там не только выходить опасно было, но и останавливаться чревато. Закуривать тоже не стоит, абы не вызвать дурных подозрений.

Гаишник не выдержал. Вразвалочку, выписывая круги полосатым жезлом, направился к Форду. Подошел. Стоит. Приоткрыла окошечко.

– Добрый день. Документы Ваши.

– Угу. А почему Вы не представились, как положено? И где Ваш нагрудный знак?

– Здесь вопросы задаю я.

– С чего это? По закону Вы обязаны мне представиться и по моей просьбе предоставить удостоверение. Без нагрудного жетона Вы не имеете права исполнять свои обязанности. Или я что-то путаю?

– Нет. Все верно.

– Так, где жетон?

– Хм ... Счастливого пути. Машину на учет по прибытии к месту следования не забудьте поставить.

Вот так. А то размахался тут своей палкой. Вообще удивительно, конечно, что не было жетона. Хрень какая-то. Проебал что ли. Или забыл. Фигня короче. Да че я голову забиваю. Проехали. Хотя, вот сейчас могла конкретную бучу поднять.

Димка дрых. Ну, правильно, не спал сутки, а то и поболее, и коньячелы глыкнул на пустой желудок. Надо бы разбудить его. До Краснодара осталась какая-то несчастная тысяча километров. А дальше куда? В курортных городках делать нечего. Это в сезон там можно деньги лопатой гребсти, а в межсезонье чем заниматься? Тоска, серость, на улицах шаром покати. Нет, такое мне не подходит. Я напрягла память и попыталась выудить хоть какую-нибудь информацию о южных регионах. Ага, есть! Не совсем тупая. Новороссийск. Он же в какой-то там бухте находится. Что-то в нем производят. Убей – не помню что. И он не курортный город. Он город портовый. А ведь точно. Надо в Новороссийск ехать. Развернула атлас. Нашла нужный мне листок с картой. О! Так от Краснодара до Новороссийск всего сотня км. Заибитлз! Погнали!

Там же, в атласе, почерпнула скудную информацию о городке. Цемент он производит и вино, разумеется. Ну, нормуль. Но главное – портовый город. Моряков полно. У моряков полно денежек. Можно замутить ипэшку. Только надо подумать, чем заняться. Но это по ходу пьесы. Сначала

дом купить. Именно дом, а не квартиру. Не знаю почему. Вот такое предчувствие, что в квартире будет хуже, чем в доме. Чуйка, фигли. Все верно прочухала.

Помню, как однажды Соня, уже продав мне свою квартиру, заявила в агентство. Я сначала не поняла, чего ей надо от меня. Сонька уверенным шагом продефилировала к дивану, с размаху плюхнула в него свои отнюдь не хуинькие телеса, огляделась, видимо, осталась довольна увиденным (ну, еще бы ! в ремонт вбухали кругленькую сумму), и выдала,

– Мне денег надо.

– Мне тоже.

– Заходила в вашу квартиру. Да, шикарный ремонт затеяли. Арочки, светильнички, окна. У меня таких денег и не было отродясь. Это ж сколько вы вбухали?

– ?

– Вот я и говорю. Бог делиться велит.

– ?

– Давай мне еще тысяч пятьдесят, и мы в расчете. А то мне прибрахлиться надо. Что ж я приеду за границу голодранкой. И детей приодеть надо.

– Пошла вон.

– А ты не жадничай. Я квартиру дешево продала.

– Ключевое слово «продала».

- А я заявление напишу, что ты меня обманула.
- Пиздуй. Пиши.
- Че, крутая? Не боишься?
- Нет.
- А я тебя проклянущу и твоих детей.
- Валяй.
- Проклинаю.
- Все? До свидания. Пошла вон.

Соня встала и ушла. Находящиеся в офисе сотрудники минуту сохраняли гробовое молчание. Потом грянул дружный смех.

Работа с недвижимостью – это, прежде всего, работа с людьми. Девочки и мальчики в нашем агентстве прошли хорошую школу. Да, раньше, чтобы заниматься риэлторской деятельностью, нужно было окончить специальные курсы. Выдавался сертификат. Все сотрудники, к моменту прихода к нам, имели внушительный опыт общения с разношерстной публикой и много чего повидали. Иногда, чтобы продать одну квартиру, приходилось выстраивать длиннющие цепочки. Деньги, для покупки жилья, имело только одно звено. Оно могло находиться в любой точке цепи, но... на оформление задатка собиралась вся кодла. Ну, вот и представьте, в цепочке, возьмем по среднему, четыре – пять квартир. Собственников может быть от четырех – пяти и более. К тому же,

на задаток приходили, как правило, с «группой поддержки». В офисе могло собраться человек двадцать. Кислорода мне не жалко. Но ведь они все «умные», все просто «собаку сожрали» и не одну, на оформлении и продаже недвижимости. Они начинали громко говорить, каждый гнул свою линию, и никак не могли прийти к решению. Потные, красные, возбужденные. А риэлторы, или проще, агенты, с милой улыбкой все это говнище упаковывали в красивые фантики. Иногда по пять – шесть часов паковали. И все с улыбочкой. Да. Там такого слушаешься, уржаться можно. Но низя. Все они умные, знающие люди. Надо только пнуть в нужном направлении.

Короче, та еще работка. Не всем подходит. Так что Сонины выходка воспринималась нами, как детский лепет. Поржали и забыли.

А какая стояла погодка. Мммм ... Плюс шестнадцать. Охренеть. Выехали двадцать восьмого ноября из метровых сугробов, мороза под тридцатник, метели. А сегодня, первого декабря, плюс шестнадцать, травка зеленая, тополя пирамидальные с листиками. Не, мне определенно нравится здесь. И повсюду, куда ни глянь, странные установки постоянно что-то качают и факелы горят. Че это такое?

Димка давно проснулся. Сидел хмурый. Голова, наверно, болит. Точно, точно. Так долго спать вредно. Я вот привыкла тратить на сон по четыре часа в сутки. Мне хватает. Не, бывает, конечно, и восемь часов в ауте, но тогда встаешь с опухшей мордой лица, с тяжелой головой, а настроение «нахер я проснулась и ваще родилась».

О, водичку ищет. Сушняк. Господи, ну, как ребенок, ей богу. Достала из-под своего сидения коньяк, молча сунула Димону. Он так обрадовался, что даже спасибо забыл сказать. Зубами содрал золотинку и вытянул пробочку. (Там звук еще такой «чпоок», я прям тащусь от него, слушала бы и слушала, музыка, пестня ...) И сделал: глоть, глоть. Ну, все. Минут через пять отпустит Димона. И тут произошло что-то странное. Димкины глаза округлились, он замахал руками и замычал, потому как сказать ниче не мог – коньяк

не проглотил.

– Что? Говно коньяк?

– Ууууу!

– Да блть, скажи ты нормально!

Димка ткнул пальцем в сторону моего окна. Я повернула голову Йокарный же ты бабайка! Огромный пост ГАИ, с двухэтажной «конурой», с ограждениями, с разрисованным асфальтом. Но это все фигня. Возле «конуры» стоял гаишник с радаром, глаза его повылазили на лоб. От моей наглости он так растерялся, что побежал за Фордом рысцой, как племенной скакун. При этом размахивал руками и орал. Вдавила педаль тормоза в пол. Димка клацнул зубами о горлышко бутылки. Тормозной путь длиннющий. Перла я за сотню. Выскочила из кабины и рванула во всю прыть навстречу гаишнику. Представляете картинку? Кино, душевраздирающие кадры. Влюбленные бегут сквозь все преграды навстречу друг другу. Я раскинула руки в стороны, будто хочу задушить мента в своих объятиях, и ржу, как лошадь, но лечу на «крыльях любви». А он, забыв про пагоны и наличие у него служебной машины, извергая фонтан редких и самых нежных матов, уронив фуражку, стремиться ко мне. И, вот, мы встретились. Запыхавшись, тяжело дыша, с раскрытыми для объятий руками, я выдала ему,

– Мое лицо скрывает темнота, а то б я, знаешь, со стыда сгорела.

Гаишник обалдел. Встал, как вкопанный. Но дышалка у него лучше моей.

Ровненько так дышит. А меня понесло,

— Что ты узнал так много обо мне. Хотела б я восстановить приличье, Да поздно, притворяться ни к чему. Ты любишь ли меня? Я знаю, верю, что скажешь "да". Но ты не торопись.

— Гы —гы ...

Однако, словарный запас у меня больше. Стою. Жду наказания. Держу в ручке денежку.

И тут гаишник выдает,

— Твой взгляд опасней двадцати кинжалов.

Теперь я сказала,

— Гы-гы

— Давайте мы Уильяма в другом месте декламировать будем.

Старший лейтенант Документы Ваши, будьте так добры.

Отдала ему документы вместе с денежкой.

— Куда летим?

— В Краснодар.

— Да ну? Интересно, интересно ...

— Что? Нельзя в Краснодар?

— Да почему, отличный город. Гостеприимный. И большой.

— Ну, вот и едем. Посмотреть.

— А откуда, если не секрет?

– Из Новосибирска.

– Ох, ты ж! Надо же! А где там проживали?

– На проспекте Дзержинского, – неуверенно так ответила, чего ему надо? Гриня что ли уже в розыск кинул нас. Вот же шустрый.

– Да, я там жил одно время. Ну, родился я там. Только на левом берегу, на Затулинке.

– Здорово! Кто ж не знает Затулинку. Там ребята серьезные.

– Точно. А Владика знаешь?

– Нифигасе! Знаю.

– Ну и как?

– А что именно? Женат, сын. Ну, остальное без изменений.

– Слушай, посидеть бы, потрещать, а. Давай в ресторанчик часа через два. Телефон мой вот, визитка. Давай, дуй в Краснодар, В «Европу» лучше. А я подскочу. Смену сдам. Блин, сто лет земляков не встречал. Местные хмыри такие. Давай, а?

– Давай!

И поскакала к машине. А что, знакомые в ГАИ пригодятся. Да и парнишка на первый взгляд четкий.

– Слышь, только Краснодар в другой стороне. Проскочила ты его.

Гы-гы-гы.

– Что??? Как я могла?

– Да кто тебя знает. Как то же смогла пост не заметить. Я чуть свисток не проглотил. Такой наглости еще не видел. Пост, а она прет. Знаешь с какой скоростью ты ехала?

– Ну, сто двадцать примерно.

– Ага, примерно... Ну, сибирячка, и этим все сказано. Ладно. Давай. Я буду ждать.

К машине шла уже спокойно, повергнутая и сраженная наповал. Как могла не заметить огромный город? Совсем плохая. Там же светофоры, машины ... Кошмарики. Оставалась слабая надежда, что в город не заезжала, прошла его по объездной.

Димка к коньячку приложился основательно и прибывал в расслабленно-удовлетворенном состоянии. Даже не поинтересовался итогом переговоров. Я, молча, развернулась на сто восемьдесят градусов, посигналила гаишнику, он послал мне воздушный поцелуй и галантно раскланялся. Димка не выдержал,

– Это что было? И куда ты едешь?

– За нарушение расплачиваться. Он деньгами не берет. Только натурой. Кстати, мужиков тож уважает. Так что ... вот так вот вот ..

– Чего?!

– А что делать? Сама в шоке. Видишь ли, Дима, Гриня подал в розыск, и этот пацан нас вычислил. Ага, как только

глянул в права, так и вот ... Так что ... давай, готовься к оргиям и вакханалиям. Садо-мазо-о о-о-о.

Димка задумался. Потом глотнул коньячку и философски-спокойно пропел.

– Я всегда говорил, что все мы – би.

Мои слабые надежды оправдать невнимательность и дурость свою объездной дорогой не оправдались, что заставило меня серьезно задуматься о своей адекватности.

«Европа» – шикарный пятизвездочный отель. Действительно шикарный. На первом этаже казино, бар. На втором – ресторан. А номера находились на четвертом и на пятом этажах.

Взяла люкс. Димка хмыкнул «ну-ну». Администратор предложил ужин в номер или столик в ресторане. Я заказала и то и другое... на двоих.

Номер ... Какой у нас был номер. За такой не жалко платить. Это не гробик с кроваткой. А и не буду я его описывать. Тупо лень. Все там было охуенно. Во всех комнатах. Вот так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.